

0 791854

На правах рукописи

Дронова Оксана Викторовна

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДАВЛЕНИЕ»
СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ**

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Елец – 2011

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном
образовательном учреждении
высшего профессионального образования
«Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»

- Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор
Казарина Валентина Ивановна
- Официальные оппоненты – доктор филологических наук, профессор
Копров Виктор Юрьевич
доктор филологических наук, профессор
Козлова Раиса Петровна
- Ведущая организация – ГОУ ВПО «Липецкий государственный
педагогический университет»

Защита диссертации состоится «29» ноября 2011 года в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.059.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций в Елецком государственном университете имени И.А. Бунина по адресу: 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28, ауд. № 301.

С диссертацией можно ознакомиться в научном отделе библиотеки Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина по адресу: 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28, ауд. № 300.

Автореферат разослан «25» октября 2011 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000710669

Ученый секретарь
диссертационного совета

А.А. Дякина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Любое явление действительности в определенной степени отражается, структурируется и концептуализируется в сознании человека. В связи с этим в настоящее время в языкознании особый интерес представляет то, как носитель языка воспринимает окружающий мир, какие ментальные, ненаблюдаемые структуры (концепты) формируются в его сознании и как они вербализуются. Именно концепт выступает связующим звеном, который соединяет внеязыковую сущность (реалию окружающего мира) и языковой знак.

Репрезентация концепта в языке происходит благодаря использованию лексических, фразеологических, морфологических и синтаксических средств. Однако только синтаксически вербализуемые концепты своей структурой соединяют знания и о реальном мире, и о языке, в отличие от лексически или морфологически репрезентируемых концептов, которые соответственно отражают знания только о реальном мире или только о языке [Болдырев Н.Н. Репрезентация языковых и неязыковых знаний синтаксическими средствами // Филологические науки. – 2004. – № 3. – С. 69]. Вследствие этого сложное и многогранное понятие концепта остается недостаточно исследованным.

Концепт является базовым понятием когнитивной лингвистики – науки, в которой особенно ярко прослеживается антропоцентрическая направленность языкознания, открывающая «широкие перспективы видения языка во всех его разнообразных и многообразных связях с человеком, с его интеллектом и разумом», мыслительными и познавательными процессами, им осуществляемыми, а также с механизмами и структурами, лежащими в их основе [Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Известия АН. СЛЯ. – 1999. – № 5-6. – С. 3]. Кроме изучения внутреннего мира человека, его эмоций и переживаний, внимание исследователей привлекает проявление деятельности, энергии и активности носителя языка, что отражается, прежде всего, в действиях и его разновидностях, в частности давлении.

Актуальность исследования определяется тем, что, выполненное с ориентацией на общую когнитивную направленность современного языкознания, оно акцентирует внимание на одном из типов структурных схем простого предложения, являющимися синтаксическими знаками концепта «давление» и не нашедших пока полного описания в отечественной грамматике, что и представляется важным в осмыслении системной организации синтаксиса.

Объектом исследования выступает структурная организация русского простого предложения, его структурные схемы как языковые знаки-маркеры концептов и их признаков, лежащих в основе русской языковой картины мира.

Предметом исследования являются структурные схемы предложений, репрезентирующих концепт «давление» с учетом его признаков, компонентный состав схем, их лексическая наполняемость и речевая реализация, определяющая позиционную схему высказывания.

Цель диссертационного исследования – рассмотреть синтаксическую реализацию концепта «давление» в русском языке.

Достижение поставленной цели предопределяет решение следующих задач:

- 1) с учетом онтологической природы действия-давления выявить когнитивные признаки концепта «давление»;
- 2) данные признаки дифференцировать на базовые и небазовые;
- 3) проследить влияние базовых признаков на формирование компонентного состава структурных схем, представляющих активное действие;
- 4) раскрыть значимость небазовых признаков концепта «давление» в организации структурных схем, репрезентирующих пассивное действие, обогащении пропозиций высказываний дополнительными смыслами и формировании модификаций структурных схем;
- 5) выявить взаимодействие концепта «давление» с другими концептами русской языковой картины мира.

Научная новизна диссертации состоит в том, что благодаря когнитивным признакам концепта «давление» и на основе подхода к структурным схемам как означающему типовой пропозиции, описан компонентный состав структурных схем, маркирующих пропозицию «давление», их лексическое наполнение, специфика речевых модификаций и обогащение пропозиций высказываний дополнительными смыслами.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что оно вносит определенный вклад в разработку проблем когнитивной лингвистики, уточняет некоторые аспекты влияния признаков концепта на структурную и семантическую организацию простого предложения и на формирование речевых видоизменений структурных схем простого предложения.

Практическая значимость работы определяется возможностью применения материалов и результатов исследования в процессе преподавания курса современного русского литературного языка, при создании спецкурсов по функциональной грамматике русского языка, при разработке факультативов по проблеме структурной и семантической организации простого предложения, когнитивной лингвистики. Материалы исследования могут быть полезны при составлении толковых словарей русского глагола, при обучении русскому языку как иностранному, в руководстве научно-исследовательской работой студентов и аспирантов филологического факультета.

Теоретическую базу исследования составили:

– идеи А.П. Бабушкина, Н.Н. Болдырева, Е.С. Кубряковой, И.А. Стернина, З.Д. Поповой и др. о сущности, структуре, содержании, признаках концепта и способах его репрезентации в языке;

– работы Н.Д. Арутюновой, В.А. Белошапковой, Г.А. Золотовой, В.И. Казариной, Т.П. Ломтева, З.Л. Новожиной, Б.Ю. Нормана, З.Д. Поповой, И.П. Распопова, Н.Ю. Шведовой и др., посвященные структурной и семантической организации простого предложения.

Эмпирической базой диссертационного исследования стали художественные произведения авторов русской классической литературы: М.А. Булгакова, И.А. Бунина, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, А.Т. Твардовского, А.Н. Толстого, И.А. Тургенева, А.П. Чехова, В.М. Шукшина, и др., а также материалы текстов профессиональной направленности, содержащие инструкции и рекомендации по выполнению различных видов работ.

Общий объем проанализированного фактического материала составляет 3450 высказываний, полученных методом сплошной выборки.

Характер изучаемого материала обусловил выбор следующих методов и приемов исследования: описательного метода, в рамках которого использовались приемы наблюдения, обобщения, интерпретации и классификации; структурного метода с применением приемов компонентного и концептуального анализа, когнитивной интерпретации; статистического метода с употреблением приема количественного анализа.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Концепт «давление» в русской языковой картине мира репрезентирован тремя структурными схемами, одна из которых является центральной, а две другие – производные от нее.

2. Когнитивные признаки концепта «давление» определяются онтологической природой действия-давления.

3. Базовые категориальные признаки концепта «давление»: ‘динамичность’, ‘агентивность’, ‘целенаправленность’, ‘контролируемость’, ‘усилие’, ‘направленность на объект’ – формируют компонентный состав структурных схем, представляющих активное действие-давление.

4. Небазовые признаки: ‘орудийность’, ‘материал’, ‘адресованность’, ‘интенсивность’, ‘способ’, ‘темпоральность’, ‘каузативность’, ‘локализованность’, ‘результативность’, ‘условие’, ‘необходимость’, ‘возможность’, ‘оптативность’, ‘пассивность’, ‘направленность на грамматический субъект’, ‘взаимная направленность’ – осложняют позиционную схему высказываний соответствующими конструкциями, обогащая тем самым пропозицию высказывания дополнительными смыслами, влияют на речевую реализацию структурных схем и формируют компонентный состав схем, маркирующих пассивное действие.

5. В русской языковой картине мира концепт «давление» взаимодействует с концептами: «касание», «покрытие», «перемещение», «физиологическое действие», «враждебное действие», «состояние живого существа».

Апробация основных положений и результатов диссертационного исследования осуществлялась на конференциях различного уровня: V Международной научно-практической конференции «Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий» (Воронеж, 2009), Международной научной конференции «Чеховские чтения в Таганроге» (Таганрог, 2010), Международной научной конференции «Язык как система и деятельность – 2» (Ростов-на-Дону, 2010), Международной научной конференции «Творчество А.Т. Твардовского в контексте русской и мировой культуры» (Смоленск, 2010), Международной научно-практической конференции «Когнитивная лингвистика и вопро-

сы языкового сознания» (Краснодар, 2010), Международной научной конференции «И.А. Бунин и XXI век» (Елец, 2010), Международной научно-практической конференции «Современная филология в контексте взаимодействия языков и культур» (Стерлитамак, 2011), Международной научной конференции «Актуальные проблемы современного научного знания» (Пятигорск, 2011), на ежегодных научно-практических конференциях преподавателей, докторантов и аспирантов филологического факультета ЕГУ им. И.А. Бунина (Елец, 2009-2011 гг.). Отдельные положения работы обсуждались на заседаниях и аспирантских семинарах кафедры современного русского языка и методики его преподавания ЕГУ им. И.А. Бунина.

Основные положения диссертации отражены в двенадцати публикациях, две из них представлены в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы определяется целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников исследования, списка использованной литературы и приложения, содержащего схему и таблицу.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, формулируется цель работы и очерчивается круг сопутствующих ей основных задач, характеризуются база языкового материала и методология исследования, оцениваются научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность полученных результатов, определяются объект и предмет исследования, представлены основные положения, выносимые на защиту, данные апробации.

В первой главе «Учение о концепте и способах его вербализации» рассматриваются основные положения когнитивной лингвистики, описаны подходы к определению концепта, раскрываются источники его возникновения и структура, а также способы репрезентации в языке этого ментального образования. Синтаксически вербализуемые концепты обращают наше внимание на структурную организацию простого предложения: дана краткая история изучения структурных схем, приведено наше видение этого феномена грамматики.

В XXI веке ведущим принципом лингвистической парадигмы становится антропоцентризм, суть которого заключается в том, что язык рассматривается в тесной связи с внутренним миром человека, ролью в его жизни. Именно носитель языка становится той точкой отсчета, с которой начинается анализ различных явлений: «центральной фигурой языка, и как лицо говорящее, и как главное действующее лицо мира, о котором он говорит» [Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику. – М., 2007. – С. 7].

Антропоцентрическая направленность языкознания особенно ярко проявляется в когнитивной лингвистике, предполагающей изучение языковых явлений в их непосредственной связи с человеком, выступающим наблюдателем и носителем знаний, отбирающим соответствующие средства для выражения своих мыслей.

Центральной категорией изучения когнитивистики выступает мыслительная единица, концепт. Несмотря на наличие в науке различных подходов к толкованию

концепта (лингвокультурологического, логического, психолингвистического, семантико-когнитивного), выделяются общие, типичные его признаки: ментальное явление, отражающее культуру народа; структурированная, объемная в смысловом отношении единица мышления и памяти.

Концепт, являясь идеальной сущностью, продуктом сознания человека, обладает слоистым строением и сложным составом, что затрудняет разработку единой теории, четко обозначающей его структуру (И.А. Стернин, З.Д. Попова).

Ученые отмечают, что формирование концепта условно происходит в три этапа.

1. Познание реалий окружающей действительности приводит к образованию в сознании человека обобщенных образов предметов и явлений. Концепт зарождается как индивидуальный чувственно-предметный образ конкретной реалии внеязыкового мира. Этот этап возникновения концепта назван универсальным предметным кодом (УПК, в терминологии Н.И. Жинкина, И.Н. Горелова).

2. Предметно-образный код (ядро концепта) в процессе своего развития приобретает новые признаки, которые именуют концептуальными. Эти признаки включают коммуникативно значимую информацию о предмете и «окутывают» основу концепта, увеличивают его объем, обогащая содержание концепта [Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М., 2007. – С. 219]. Концептуальные признаки находятся в нежестко структурированных отношениях: могут видоизменяться, угасать или усиливаться в зависимости от опыта, знаний личности.

3. Чувственный образ превращается в собственно мыслительный, абстрагируясь от реального предмета, благодаря увеличению «количества закрепленных концептом признаков, с возрастанием уровня абстракции» [Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001. – С. 70 – 71].

Исследователи приходят к выводу о полевой организации концепта, которая представлена ядром (первичные наиболее яркие образы) и периферией (более абстрактные семы).

Так как концепт – единица ментальная, прямо не наблюдаемая, то возникает вопрос о том, какими средствами он репрезентирован. Несмотря на возможность маркирования концепта паралингвистическими средствами (мимикой, жестами), основным средством объективизации концепта считается язык, который «помогает “одевать” концепт» [Казаковская В.В. Ранние этапы освоения русскоязычным ребенком концепта пространства (на материале диалога со взрослым) // Язык и национальное сознание. Вып. 6. – Воронеж, 2004. – С. 10].

К языковым средствам вербализации концепта лингвисты причисляют номинативные единицы языка: лексемы, фразеосочетания, словосочетания, предложения, – а также тексты и их совокупности.

Синтаксическое маркирование концептов возможно благодаря наличию синтаксических знаков, обладающих и планом содержания, и планом выраже-

ния. Таким репрезентантом выступает структурная схема простого предложения.

В отечественном синтаксисе существуют два понимания структурной схемы простого предложения. Первое из них связано с формально-грамматическим направлением в современном языкознании, с именем акад. Н.Ю. Шведовой. В работах этого ученого осмысление структурной схемы как предикативного минимума обращено только к формальной организации предложения как предикативной единицы. Понимая под структурной схемой «отвлеченный образец, по которому может быть построено минимальное самостоятельное и независимое сообщение», ученый считает компонентами этого синтаксического образца «определенным образом организованные словоформы», которые именует «главными членами предложения» [Грамматика современного русского языка. – М., 1970. – С. 546]. Следовательно, в соответствии с этим подходом, в структурную схему вводятся только те компоненты предложения, которые образуют его предикативный минимум; остальные распространители (облигаторные с точки зрения информативной достаточности предложения) выносятся за пределы структурной схемы.

Несмотря на неоценимый вклад Н.Ю. Шведовой в развитие учения о структурной схеме простого предложения, ее взгляд на это понятие как на отвлеченный синтаксический образец, не ориентированный на вещественное значение предложения вызвал ряд замечаний критического характера. Так, Г.А. Золотова характеризует подход к компонентам схемы по частеречной принадлежности и падежной форме без учета структурной и смысловой роли этих элементов, как «фундамент – без дома, в котором люди... общаются посредством языка» [Золотова Г.А. О возможностях грамматической науки // Вопросы языкознания. – 2006. – № 3. – С. 14].

Развивая концепцию Н.Ю. Шведовой, В.А. Белошапкова выявляет два типа структурных схем простого предложения: минимальные и расширенные. Первые отличаются от вторых более высокой степенью абстракции. Подводя под расширенную схему структуру, состоящую из минимальной схемы и не входящих в нее конститутивных, немаловажных для семантической структуры предложения компонентов, В.А. Белошапкова трактует минимальные структурные схемы как предикативный минимум, а расширенные схемы – как номинативный минимум [Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. – М., 1999. – С. 723].

Идея о номинативном (информативном) минимуме структурной схемы простого предложения поддерживается многими учеными, которые учитывают не только формальную структуру предложения, но и семантическую организацию, грамматическую и смысловую достаточность. Г.А. Золотова, считая, что в структуре предложения существуют два уровня, соотносящие предложение как со структурой мыслительного акта, так и с внеязыковой действительностью, приходит к выводу о том, что характер предикативного отношения между компонентами структурной схемы предполагает наличие в ней не менее двух лексически полнозначных словоформ. Это положение объясняется тем, что струк-

турная схема предложения не просто обозначает номинацию, но и придает ей смысл. Так как мыслительный акт двучленен (субъекту приписывается предикативный признак), то и предложение представляет собой результат потребности говорящего выразить свою мысль, показать отношения между предметами окружающего мира. Г.А. Золотова под структурной схемой (моделью, в ее терминологии) понимает минимально достаточное предикативное сочетание взаимообусловленных компонентов (субъектива и предикатива), которые формируют коммуникативную единицу с определенным типовым значением [Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 1982. – С. 98].

Активизирующийся в конце XX века интерес к ментальным единицам (концептам) и средствам их репрезентации в языке снова сконцентрировал внимание ученых на структурных схемах простого предложения.

У истоков разработки учения о вербализации концепта синтаксическими средствами стоит проф. З.Д. Попова и возглавляемая ею Воронежская теоретико-лингвистическая научная школа.

Следуя традициям этой школы, под структурной схемой простого предложения понимаем синтаксический знак, означаемым которого являются осмысленные и классифицированные отношения между сущностями окружающего мира, типовые пропозиции как смысловой конструкт, отраженной в сознании ситуации, а означающими выступают словоформы, маркирующие субъект и предикат пропозиции [Жазарина В.И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке (к вопросу о его формировании). – Елец, 2002].

От структурной схемы следует отличать позиционную схему, представленную синтаксической структурой конкретного высказывания. Позиционная схема как речевой знак (в отличие от структурной схемы – знака языкового) может включать в свой состав словоформы, маркирующие сопутствующие пропозиции ситуации: “время”, “место”, “условие”, “причина” и под., которые способствуют формированию семантически сложного предложения [Попова З.Д. Структурная схема простого предложения и позиционная схема высказывания как разные уровни синтаксического анализа // Словарь. Грамматика. Текст. – М., 1996. – С. 260].

Одним из свойств языка является пластичность его системы по отношению к нуждам и задачам речевого общения. Эта гибкость обнаруживается в том, что в процессе речевой реализации структурная схема претерпевает разного рода видоизменения, терминируемые модификациями, которые дифференцируются на грамматические и структурно-семантические [Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М., 1973. – С. 139, 205].

Во второй главе «Репрезентация концепта “давление” структурой русского предложения» выявлены когнитивные признаки концепта «давление», описано их влияние на компонентный состав структурных схем простого предложения, акцентировано внимание на речевых реализациях схем, на обогащении пропозиций высказываний дополнительными смыслами.

Под концептом «давление» понимаем смысловой конструкт, образ типовой ситуации «воздействие давлением кого-, чего-либо на предмет, его поверхность». Рассматриваемый концепт репрезентирован тремя структурными схе-

мами, из которых «кто давит что» является центральной, а две другие: «что происходит с субъектом при участии давления» и «кто/что есть сдавлен кем/чем» – производными от главной. Статус структурных схем подтверждает и продуктивность функционирования в текстах, соответственно: 77% – 20% – 3%.

Признаки концепта «давление» – сложного ментального образования – определяются онтологической природой действия-давления, которое грамматически репрезентирует, прежде всего, глагол.

В центральной структурной схеме «кто давит что», представляющей активное действие, маркерами давления выступают акциональные глаголы с семой 'давление', которые дифференцируются на лексемы, маркирующие 'физическое давление' (обнаруживается как в текстах художественной литературы, так и в литературе технического характера) и 'психологическое давление' (представлено только в текстах художественной литературы), и наличествует в лексемах: *давить, жать, стиснуть, тереть, кусать* и мн. др., обладающих типовой семантикой: 'давить, налегая тяжестью, силой на кого-, что-л. или жать (сжимать) какой-л. объект со всех или разных сторон, прилагая усилия' [Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М., 2007. – С. 153]. Данное толкование дает возможность выявить признак концепта «давление» 'усилие', под которым понимаем напряжение физических сил, необходимых для осуществления воздействия субъекта на предметы окружающего реального мира.

Активное действие определяется участием личной воли, энергии субъекта, его способностью осуществлять целенаправленную, планомерную деятельность. Следовательно, в акциональных глаголах с семой 'давление', репрезентирующих активное воздействие на объект, заключены такие признаки концепта «давление», как 'агентивность', 'целенаправленность', 'контролируемость', определяющие включение в состав высказываний, в основе которых лежит структурная схема «кто давит что», номинантов живых существ, мыслящих, активно и самостоятельно действующих участников действия-давления (65% высказываний): *Но Екатерина Дмитриевна стиснула зубы и только ласкала сестру, целовала ей руки* (А. Толстой. Хожение по мукам); *Он крепко сжал руками голову...* (А. Чехов. Черный монах).

При метафоризации глагольной лексемы позиция субъектива занята статусным именем (7% высказываний), маркирующим ситуацию, окружающую обстановку, негативно влияющую на лицо, подвергшееся моральному воздействию и оказавшееся тем самым в позиции объекта: *Предчувствие какое-то... Меня гнетет какое-то странное, тяжелое предчувствие. Точно ждет меня потеря любимого человека* (А. Чехов. Perpetuum mobile).

В отличие от художественных произведений, специфика текстовой инструкции предопределяет не конкретно референтный, а родовой характер номинанта субъекта: *Одной рукой рабочий прижимает конец шаблона к ровному правилу, а другой – к волнистому* (А. Шепелев 1981).

Структурообразующими компонентами схемы «что происходит с субъектом при участии давления» выступают возвратные глаголы, маркирующие действие-давление, направленное на субъект-агенса, которым выступает человек или часть его тела: *щуриться, зажмуриться, обниматься, сжиматься, прижиматься, растираться, удавиться*, которые дифференцируются по типу предикатива:

1) глагол инкорпорирует в свое значение актант: ситуативно определенный объект: *Измаил Александрович даже зажмурился* (зажмурил глаза. – О. Д.) (М. Булгаков. Записки покойника. Театральный роман) или неотчуждаемый инструмент – часть тела активно действующего субъекта, при помощи которого агенс контактирует с внешним объектом: *Она целовала его ... прижималась* (головой. – О. Д.) *к колючей щеке...* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита);

2) собственно-возвратный глагол, указывающий на то, что объектом выступает субъект: *Затем растерся* (растер себя. – О. Д.) *мохнатой простыней...* (М. Булгаков. Белая гвардия).

В роли субъекта в анализируемой структурной схеме выступают парные предметы со значением «часть тела человека» (38% высказываний): зубы, губы, веки: *Зубы Филиппа Федоровича сжались...* (М. Булгаков. Собачье сердце), собственные личные имена или указующие на определенных лиц местоимения (45%) в именительном падеже: *Умный коренастый блондин Щур хитро прищурился...* (М. Булгаков. Белая гвардия); *...Он лишь прищурился слегка...* (А. Твардовский. Григорий Пулькин).

Глаголы давления маркируют действие, направленное на объект, определивший соотносительный признак, представленный в структурной схеме «кто давит что» словоформой со значением «страдающего» предмета. Содержательная структура предикатива объясняет разнообразие вербализации объекта в текстах художественной литературы. Так, в позиции объекта может находиться человек, представленный личным именем: *Старцев обнял Екатерину Ивановну за талию; она, испуганная, прижалась к нему...* (А. Чехов. Ионыч), местоимением, его заменяющим: *Анхен садилась ко мне на колени, обнимала меня, и я слышал стук ее сердца, впервые в жизни чувствовал блаженную тяжесть женского тела* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева) или часть тела человека: *Я схватил и сжал ее руку* (И. Бунин. Месье); продукты питания, созданные природой: *Она крепко надкусила яблоко и стала есть, зативая мадерой и рассудительно говоря* (И. Бунин. Мадрид), или продовольствия, доведенные до готовности человеком: *...Стала шелушить и грызть жареные фисташки...* (И. Бунин. Камарг); номинанты артефактов: предметы гардероба: *Она прижала картуз к груди* (И. Бунин. Руся), письменные принадлежности: *Когда я, чувствуя сильное утомление и разбитость, прижал обеими руками к груди бумаги и тетради ...* (А. Чехов. Жена), посуда: *Федор чуть сжал хрустальную рюмочку, и она вся спряталась в его огромном кулаке* (В. Шукшин. Как зайка летел на воздушных шариках) или неназванный предмет, маркированный неопределенным местоимением: *Но ни слезинки же ни разу не выкатилось из его глаз, только*

каменели скулы и пальцы до отека, сжимали что-нибудь, что оказывалось под рукой (В. Шукшин. Калина красная).

В технической литературе объект представляет предмет со значением «атрибут ремонта» и репрезентирован формой винительного падежа с предлогом или без него: *Меняйте направления движения и в некоторых местах надавливайте на тряпку* (М. Лоуренс 2001); *Прижмите кусок карниза на место между направляющими линиями* (А. Шепелев 1987).

Выделенные признаки: ‘агентивность’, ‘целенаправленность’, ‘динамичность’, ‘контролируемость’, ‘направленность на объект’, ‘усилие’ – заключены в самом действии-давлении, разворачивающемся в реальном мире, и соответственно исходят от глагольной семемы как грамматического маркера давления. Эти признаки постоянны и устойчивы, поэтому терминируются базовыми. Они составляют ядро концепта и диктуют компонентный состав структурных схем «кто давит что», «что происходит с субъектом при участии давления» – репрезентантов активного действия.

Как было сказано выше, ситуация «воздействие силой давления на объект» происходит в реальной действительности и поэтому может сопровождаться различными обстоятельствами, сопутствующими атрибутами, которые определяют небазовые признаки концепта «давление», обуславливающие наличие в структуре высказывания словоформ, включенных в состав позиционных схем, или отражаются в модификациях структурных схем.

Так, осуществление действия-давления возможно при расходовании вещества и/или с помощью применения орудия труда, инструмента, что свидетельствует о наличии таких признаков, как ‘материал’ и ‘орудийность’. Признак ‘орудийность’ представлен именем существительным в творительном падеже со значением инструмента целенаправленного физического действия, дифференцируемого нами на:

– предмет неотчуждаемый (часть тела человека – рука, палец, нога и т.п.): *Я нажал пальцем, загремел выстрел, и всё было кончено* (А. Чехов. На охоте); *Во время намазывания клейстером полотна могут сдвигаться, их приходится прижимать ногой, наступая на крамку...* (А. Шепелев 1987);

– предмет отчуждаемый (неодушевленные предметы внешнего мира, артефакты: щетка, подушка, вилка и т.п.): *Вы, я вижу, его растирали щетками... и прекрасно сделали* (И. Тургенев. Вешние воды); *...Наносят между ними раствор, разравнивают его полутерком, затирают обычно теркой с последующей натиркой усенков* (Й. Сюч 1977); *Затем растерся мохнатой простыней...* (М. Булгаков. Белая гвардия).

В высказываниях, формируемых метафорическими предикативами: *давить, угнетать*, – «орудие действия» представлено абстрактным существительным, обозначающим ситуацию, отрицательно влияющую на живой объект, лицо, служащее предметом каузации: *Садовник стоит, подбоченясь, на лице у охотника написана строгость, а Макар Денисыч согнулся, робко кашляет и кисло смотрит, точно весна давит и душит его своими испарениями, своей красотой!..* (А. Чехов. Весной).

Признак 'материал', как и 'орудийность', репрезентирован существительным в форме творительного падежа со значением вещества, расходуемого в процессе выполнения заявленного действия. В текстах художественной литературы материал, как правило, представляет собой спиртосодержащую жидкость: *По ночам он кашлял, а она пошла его малиной и липовым цветом, натирала одеколоном, кутала в свои мягкие шали* (А. Чехов. Душечка). Вещество, расходуемое при выполнении различных видов строительных и ремонтных работ, маркировано разновидностями средств специального назначения: *После высыхания болвана его затирают несколько раз глиной, чтобы не было трещин* (Л. Ерлыкин 1989).

Действие может быть адресовано, совершено в «интересах» определенно лица, что говорит о признаке 'адресованность', который предполагает наличие участника действия, к которому оно (действие) направлено, в пользу или во вред которого осуществляется: *Второй милиционер вдруг перекрестился размашистым крестом и, отступив, сразу отдал Зине обе ноги* (М. Булгаков. Собачье сердце). Данный признак в литературе профессиональной направленности отражения не находит.

Как и любое действие, давление начинается в какой-то момент, разворачивается в течение определенного промежутка времени, и, достигнув результата или в силу возникших условий не достигнув его, прекращается, что говорит о наличии у концепта «давление» признака 'темпоральность', реализуемого различными временными конструкциями со значениями:

а) одновременности, синхронности выполнения действий: *Волчата сосали свою мать, тихая ее лапами в тощий живот, а она в это время грызла лошадиную кость, белую и сухую* (А. Чехов. Белолобый);

б) следования, когда действие-давление совершается после установленно для него времени или исполнения другого действия: *Намедни ты после обеда ее руку пожал только, а мне уж все показалось... ножом пырнуть тебя захотелось* (А. Чехов. Хитрец); *Через 30 – 40 минут натирают до блеска – полотером или щеткой* (В. Ключков 1991); *Когда не стало видно ворот, Женя остановилась и торопливо пожала мне руку* (А. Чехов. Дом с мезонином).

Признак 'темпоральность' реализуется и грамматической (временной) модификацией структурной схемы: *Он обнял меня за талию и продолжал вполголоса* (А. Чехов. Страх); *Но ежели, Иван Матвейч, будут стеснять, как и в прошлом году, то выйдет один только смех!* (А. Чехов. Либеральный душка); *Он прижимался к Ольге, точно ища у нее защиты, и говорил ей тихо, дрожащим голосом* (А. Чехов. Мужики). Этот признак объясняет продуктивность функционирования структурно-семантической разновидности модификации, представленной включением в позиционную схему лексически неполнозначных фазисных глаголов: *Клопы, вообразив, что настала ночь, вылезли из щелей и начали кусать тех, кто спал* (А. Чехов. Из записок вспыльчивого человека).

Любое действие происходит в предназначенном для него месте, пространстве. Признак 'локализованность' обосновывает включение в позиционные

схемы высказываний пространственных конструкций: *Она сжала на груди руки и проговорила с мольбой* (А. Чехов. Три года).

Действию-давлению может предшествовать явление, причина, при определенных условиях вызывающая, обуславливающая и возникновение действия, и конечный итог, результат, завершающий данный процесс. Соответственно выделяем такие признаки концепта «давление», как ‘каузативность’ и ‘условие’. Признак ‘каузативность’ объясняет наличие в позиционной схеме словоформ со значением ‘причина’: *Она шла к себе в спальню и ложилась в постель; от ревности, досады, чувства унижения и стыда она кусала подушку и начала громко рыдать* (А. Чехов. Попрыгунья).

Признак ‘условие’ концепта «давление» представлен, как правило, в текстах инструкций и рекомендаций словоформой «при + предложный падеж»: *При точении нож слегка прижимают навстречу вращающемуся кругу* (В. Нефедов 1986). Этот признак также объясняет наличие высказываний, структурообразующий компонент которых выражен формой сослагательного наклонения, маркирующего предполагаемое действие: *И, право, я с удовольствием бы удавился на этой веревке* (М. Булгаков. Полоумный Журден).

Кроме внешнего мотиватора (причины), человек – высшее, разумное существо – может руководствоваться «внутренним аргументом» – желанием, под которым понимается одна из форм мотивационного состояния, осознанное ощущение потребностей организма, а также осознание необходимости выполнения определённого действия. Из сказанного следуют признаки ‘оптативность’ и ‘необходимость’, которые отражаются в модификациях структурных схем. Признак ‘оптативность’ реализуется модальной модификацией, представленной глаголами со значением ‘намерение, желание произвести действие’: *Гусев протягивает руку, чтобы приласкать ее, но она мотнула головой, оскалила зубы и хочет укусить его за рукав* (А. Чехов. Гусев). Данный признак в текстах инструкций и рекомендаций отражения не находит.

Признак ‘необходимость’ реализуется модальной модификацией, представленной неглагольным модификатором соответствующей семантики. Подобные компоненты особенно продуктивны в текстах технической литературы: *Если копать глубоко въелась, то штукатурку надо перетереть (известью с мелким песком) и высушить* (В. Ключков 1991).

Процесс давления сопровождается такими условиями, как возможность, предрасположенность к его совершению, что сигнализирует о соответствующем небазовом признаке изучаемого концепта ‘возможность’, представленного в позиционных схемах модальными модификаторами, формирующими структурно-семантическую (модальную) модификацию: *И всякий тебя раздавить может, уколот, обухом схватить...* (А. Чехов. Торжество победителя); *Можно пригрузить плитки киртчами...* (А. Шенелев 1981).

Обнаруженные признаки, вытекающие из сопровождающих ситуацию давления обстоятельств, являются непостоянными, поэтому относим их к небазовым и располагаем в зоне ближней периферии полевой модели признаков концепта «давление». Признаки ‘материал’, ‘орудийность’, ‘темпоральность’,

– неопределенно-личная субъектная модификация, представленная глаголами 3 л. мн. ч. (распространена в текстах технического характера): *Лист приставляют к мастике и тщательно его припрессовывают, нанося удары правилом* (А. Шепелев 1987).

В структурной схеме «кто/что есть сдавлен кем/чем» активный производитель действия, логический субъект, как правило, представлен имплицитно: *Прислуга совершенно подавлена* (Ф. Достоевский. Собачье сердце); *...Склеиваемые стекла могут быть зажаты в нужном положении до отвердения клея* (В. Нефедов 1986). Эллипсису одновременно могут подвергаться субъектив и объектив: *Раздавлен, уничтожен теперь!* (Ф. Достоевский. Преступление и наказание).

Центральная структурная схема «кто давит что», маркирующая активное действие-давление, представленное акциональными глаголами, может трансформироваться в пассивные схемы. В таких конструкциях перемещение объектной словоформы в позицию субъекта, а агентивной – на место объекта свидетельствует о признаках ‘пассивность’ и ‘направленность на грамматический субъект’, которые организуют компонентный состав схемы «что происходит с субъектом при участии давления»: субъектив, представляющий предмет или вещество со значением «атрибут ремонта», предикатив, представленный возвратными глаголами: *При подпיתывании колонки холодной водой горячая вода, вследствие ее меньшей плотности, вытесняется и при открытом на сместеле кране с красной отметкой вытекает из него* (В. Нефедов 1986), а также диктуют компонентный состав схемы «кто/что есть сдавлен кем/чем»: субъектив, который пассивизируется, и, как правило, при предикативе физического давления не вербализуется, а при метафоризации лексемы его позиция занята абстрактным существительным, маркирующим ситуацию, эмоционально-негативно влияющую на лицо, подвергшееся моральному воздействию: *Извозчик молчал, был подавлен своей беспутностью, своими пороками, – тем, что он до последней полушки проиграл ночью все те медяки, которыми были набиты его карманы* (И. Бунин. Господин из Сан-Франциско); предикатив, маркированный краткими страдательными причастиями: *стиснут, сжат, зажат, прижат, подавлен, раздавлен, вытопан, угнетен, подавлен*; объектив, занимающий позицию носителя предикативного признака (грамматический субъект), при предикативе со значением ‘физическое давление’ репрезентирован артефактом: *У всех были сжаты корабlichem карты в руках и напряженно веселы лица* (И. Бунин. Учитель) или существительным со значением неотторгаемой части тела живого существа, человека: *Зубы его были стиснуты до боли в голове* (И. Бунин. Митина любовь), а при предикативе с семантикой ‘моральное, психологическое давление’ представлен именем существительным, обозначающим лицо по роду деятельности: *Извозчик молчал, был подавлен своей беспутностью, своими пороками...* (И. Бунин. Господин из Сан-Франциско); личным местоимением, указывающим на определенное лицо: *С похмелья он бывал угнетен* (И. Бунин. Веселый двор); образным, метонимическим наименованием: *Весь дом был угнетен, подавлен...* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева), и глагольную

связку *есть*: *Мои уста были зажаты плотно человеческою рукою* (Н. Лесков. Пугало). В форме настоящего времени связка, как правило, не вербализована: *Я болен, слаб, нравственно угнетен, – продолжал я, – я не могу писать вам, как бы хотел* (А. Чехов. Рассказ неизвестного человека).

Так как в структуре концепта «давление» наличествуют признаки ‘направленность на объект’ и ‘направленность на грамматический субъект’, то логично предположить существование признака ‘взаимная направленность’, который получает маркирование только одним взаимно-возвратным глаголом *обниматься*. Из-за непродуктивности функционирования этот признак, как и предыдущие два, получает место только в зоне дальней периферии.

Действие-давление производится определенным способом, при использовании физических усилий агенса, проявляемых разной степенью напряженности. Это свидетельствует о таких признаках концепта «давление», как ‘способ’ и ‘интенсивность’, которые воспринимаются как характеристики действия-давления и в процессе речевой реализации схемы маркируются следующими атрибутивными конструкциями:

а) определительными наречиями, характеризующими действие со стороны качества: *Она то и дело вскакивала, порывисто обнимала его голову и осыпала ее поцелуями* (А. Чехов. Попрыгунья); *...Женя остановилась и торопливо пожала мне руку* (А. Чехов. Дом с мезонином); *Доктор кивнул два раза головой, неловко пожал протянутую княжной руку...* (А. Чехов. Цветы запоздалые); *Миша схватил ее локти и судорожно сжал их между своими ладонями* (А. Чехов. Благодарный);

б) наречиями со значением ‘степень приложения усилий’: *Я плотнее прижал грудь к стене, как бы боясь, чтобы не выскочило сердце* (А. Чехов. В море); *В передней Ася вдруг подошла ко мне и протянула мне руку; я слегка пожал ее пальцы и едва поклонился ей* (И. Тургенев. Ася);

в) лексемой *так* со значением интенсивности, конкретизируемой придаточной предикативной единицей, включающей сравнительный оборот: *С этими словами он пододвинулся к Короткову и так пожал ему руку, что тот встал на одну ногу, словно аист на крыше* (М. Булгаков. Дьяволиада);

г) предложно-падежными словоформами различной семантики: *Он с чувством* (эмоционально. – О. Д.) *пожал ее ручку...* (А. Чехов. Два скандала); *Он хотел продолжать мяеко и вежливо, но против воли сжал* (с неохотой. – О. Д.) *кулаки и поднял их выше головы* (А. Чехов. Палата №6); *Лариса изо всех сил* (очень сильно. – О. Д.) *сжала руки мужа...* (Н. Лесков. На ножах);

д) сравнительными оборотами, обозначающими способ действия: *... Ухватил Короткова поперек туловища и легонько прижал к себе, как любимую женщину* (М. Булгаков. Дьяволиада); *Но наша хозяйка просто безжалостная. Затрает её в работу словно ветошку какую-нибудь* (Ф. Достоевский. Бедные люди).

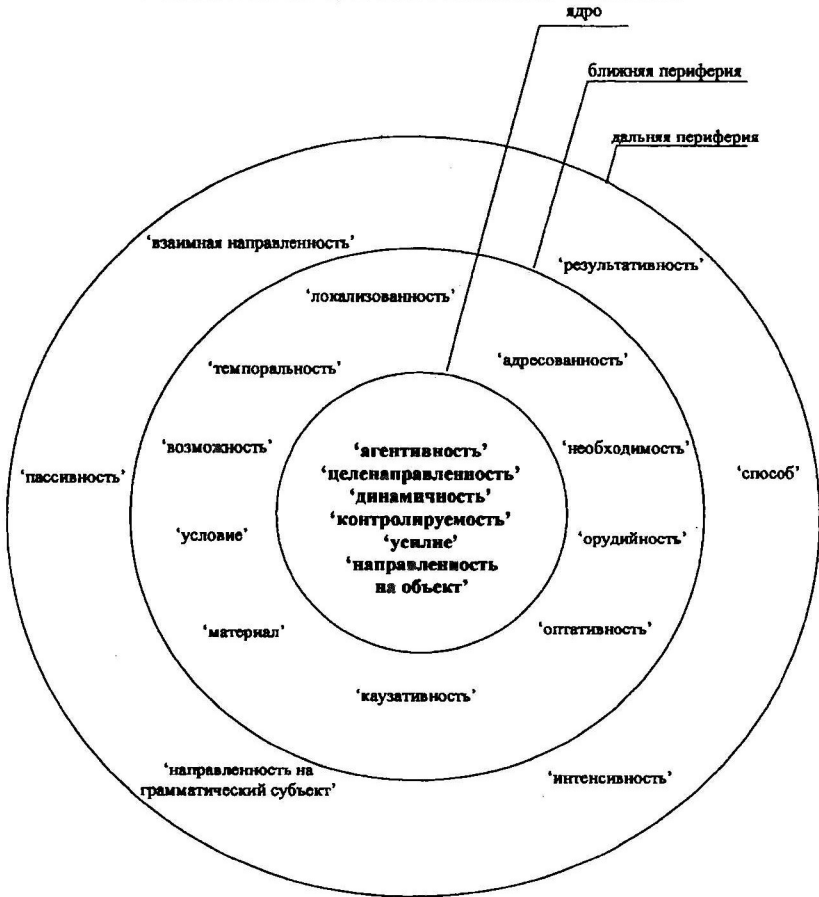
В отличие от художественных текстов, в литературе профессиональной направленности атрибутивные конструкции не находят такого разнообразия и представлены только наречиями меры и степени: *Приложить* и *осторожно*

(слабо. – О.Д.) *надавить* (Инструкция по применению профиля потолочного); *Для этого требуется тщательно (сильно. – О.Д.) потереть небольшую площадь пленки ветошью...* (В. Нефедов 1986) и придаточной предикативной единицей, распространяющей местоименное наречие со значением ‘степень приложения усилий’: *Этой смесью несколько раз натирают подошвы и ранты обуви так, чтобы она впиталась в кожу обуви* (И. Сяч 1977).

Признаки ‘способ’, ‘интенсивность’ также имеют статус базовых признаков и располагаются в зоне дальней периферии поля концепта «давление».

Выявленные признаки позволили нам схематически представить их в виде полевой модели.

Полевая модель признаков концепта «давление»

В основу обнаружения признаков концепта «давление» положена онтологическая природа действия-давления. Оно (действие-давление) формирует ситуацию «воздействие силой давления на объект», происходящую в окружающей, реальной действительности и сопровождающуюся различными обстоятельствами и атрибутами. Данное положение способствовало ранжированию признаков на базовые (основные, постоянные), характеризующие активное действие и соответственно представленные в семеме глагола – грамматического маркера действия, и небазовые (второстепенные, непостоянные), обусловленные сопровождающими ситуацию «давление» обстоятельствами. В соответствии с нашим подходом, базовые признаки составляют ядро концепта, а небазовые – периферию, которая дифференцируется на ближнюю и дальнюю. Статус когнитивного признака (базовый или небазовый) и занимаемое им место в полевой модели признаков концепта «давление» подтверждают и синтаксические средства их реализации. Компонентный состав центральной структурной схемы «кто давит что» образуют базовые признаки, составляющие ядро концепта: ‘агентивность’, ‘целенаправленность’, ‘динамичность’, ‘контролируемость’, ‘направленность на объект’, ‘усилие’. Пропозиции высказываний и модификации диктуют небазовые признаки, располагающиеся в зоне ближней периферии: ‘локализованность’, ‘адресованность’, ‘условие’, ‘материал’, ‘орудийность’, ‘каузативность’, ‘темпоральность’, ‘возможность’, ‘необходимость’, ‘оптативность’. Структурную схему «кто/что есть сдавлен кем/чем» и атрибутивные конструкции формируют небазовые признаки, находящиеся в зоне дальней периферии: ‘пассивность’, ‘направленность на грамматический субъект’, ‘результативность’, ‘способ’, ‘интенсивность’. Производная схема «что происходит с субъектом при участии давления» может быть сформирована как базовыми признаками, так и небазовыми, так как репрезентирует как активное, так и пассивное действие.

В русской языковой картине мира концепт «давление», являясь разновидностью концепта «действие», через глагольную вершину структурных схем его репрезентирующих, взаимодействует с концептами: «касание», «покрытие», «перемещение», «физиологическое действие», «враждебное действие». А при маркировании структурной схемой «кто/что есть сдавлен кем/чем», формируемой кратким страдательным причастием в значении ‘психологическое давление’, он обнаруживает связь с концептом «психологическое состояние живого существа».

В заключении подводятся основные итоги исследования. С учетом онтологической природы действия-давления, которое, прежде всего, активно и репрезентировано акциональными глаголами, формирующими активные структурные схемы, которые могут трансформироваться в пассивные, а также благодаря тому, что ситуация «воздействие давлением на предмет» может сопровождаться различными обстоятельствами, выявлены признаки концепта «давление». Статус признаков (базовые или небазовые) и соответственно местоположение в полевой модели признаков концепта «давление» (образуют ядро или периферию) влияют на компонентный состав синтаксических репрезентантов

концепта «давление»: структурные схемы: «кто давит что», «что происходит с субъектом при участии давления», «кто/что есть сдавлен кем/чем», пропозиции высказываний и речевые видоизменения структурных схем. Намечаются перспективы исследования.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

в изданиях, рекомендованных ВАК Российской Федерации:

1. Дронова, О.В. Синтаксический способ выявления признаков концепта «давление» (на материале текстов технической литературы) [Текст] / О.В. Дронова // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2010. – №6. – С. 219 – 223.

2. Дронова, О.В. Концепт «давление»: его признаки и их реализация в структуре высказывания [Текст] / О.В. Дронова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Том. Филология и искусствоведение. – 2011. – №1(2). – С. 21 – 25.

в других изданиях:

3. Дронова, О.В. Структурная схема «кто давит что» и ее функционирование в произведениях И.С. Тургенева [Текст] / О.В. Дронова // Проблемы русского и общего языкознания: межвузовский сборник научных трудов, посвященный 70-летию со дня рождения профессора В.И. Казариной. – Выпуск 7. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2009. – С. 145 – 152.

4. Дронова, О.В. Структурная схема «кто давит кого/что к чему/кому» – знак концепта «давление» [Текст] / О.В. Дронова // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: материалы Пятой международной научно-практической конференции. – Воронеж: ВГПУ, 2009. – С. 26 – 30.

5. Дронова, О.В. Влияние глаголов давления на структуру и семантику предложения [Текст] / В.И. Казарина, О.В. Дронова // Philologos. Выпуск 6 (№№ 3-4). – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2009. – С. 20 – 31.

6. Дронова, О.В. Особенности функционирования глаголов давления в произведениях А.П. Чехова [Текст] / О.В. Дронова // Чеховские чтения в Таганроге: материалы I и II Международных молодежных конференций 2009-2010. – Таганрог: Изд. отдел Таганрог. гос. пед. ин-та, 2010. – С. 31 – 33.

7. Дронова, О.В. Структурная схема «что происходит с субъектом при участии давления» – репрезентант концепта «давление» [Текст] / О.В. Дронова // Язык как система и деятельность – 2: материалы Международной научной конференции. – Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 2010. – С. 159 – 161.

8. Дронова, О.В. К вопросу об изучении концепта в отечественной лингвистике [Текст] / О.В. Дронова // Проблемы русского и общего языкознания: межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 8. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2010. – С. 180 – 187.

9. Дронова, О.В. Реализация концепта «давление» в творчестве А.Т. Твардовского [Текст] / О.В. Дронова // Творчество А.Т. Твардовского в контексте русской и мировой культуры: материалы Международной научной конференции. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2010. – С. 104 – 110.

10. Дронова, О.В. Формальная и семантическая организация структурной схемы «кто есть сдавлен кем/чем» [Текст] / О.В. Дронова // Современная филология в контексте взаимодействия языков и культур: сборник материалов международной научно-практической конференции. – Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. академия им. Зайнаб Бишевой, 2011. – С. 71 – 74.

11. Дронова, О.В. Содержание концепта «давление» (на материале произведений А.Н. Толстого «Хождение по мукам» и «Петр Первый») [Текст] / О.В. Дронова // Актуальные проблемы современного научного знания: материалы IV международной научной конференции. – Пятигорск: ПГЛУиздат, 2011. – С. 46 – 51.

12. Дронова, О.В. Структурная схема «кто давит что» как средство вербализации концепта «давление» в литературе, посвященной теме «маленького человека» [Текст] / О.В. Дронова // Когнитивная лингвистика и вопросы языкового сознания: материалы Международной научно-практической конференции. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2011. – С. 97 – 99.

Лицензия на издательскую деятельность
ИД № 06146. Дата выдачи 26.10.01.
Формат 60 x 84 /16. Гарнитура Times. Печать трафаретная.
Усл.-печ.л. 1,0 Уч.-изд.л. 1,2
Тираж 100 экз. Заказ 117

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И.А.Бунина

Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»
399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28

